

СМЕРТЬ ЧИНОВНИКА

Повествуя о приключившейся с Червяковым истории, Чехов выстраивает ее дискурс с явным намерением пародийно обыграть ситуацию, ставшую после гоголевской «Шинели» хрестоматийной, – мелкий чиновник стоит перед большим начальником и трясется от страха. «“Знаете ли вы, кому это говорите? понимаете ли вы, кто стоит перед вами? понимаете ли вы это, понимаете ли это? я вас спрашиваю”». Тут он топнул ногою, возведя голос до такой сильной ноты, что даже и не Акакию Акакиевичу сделалось бы страшно».¹ Ясно, что страх, который ощущает гоголевский персонаж перед *значительным лицом* сродни тому ужасу, который ветхозаветные народы испытывали перед *трубно гласящим* божеством. И в том, и в другом случае *Его* (божества или начальника) страшный гнев имеет одну и ту же интерпретанту – это знак обрушившейся на несчастного смертной кары, характер поражающего воздействия которой от Гоголя до Чехова описывается с указанием на одни и те же психосоматические характеристики. У Гоголя: «Акакий Акакиевич так и обмер, пошатнулся, затрясся всем телом и никак не мог стоять... его вынесли почти без движения... Он не слышал ни рук, ни ног»². У Достоевского: Маркар Деушкин «помертвел, оледенел, чувств лишился... ни жив ни мертв»³. У Чехова: «В животе у Червякова что-то оторвалось. Ничего не видя, ничего не слыша, он попятился к двери, вышел на улицу и поплелся...»⁴.

Страх пред *его превосходительством*, как и страх пред божеством, – страх, пребывающий вне зависимости от какой-либо конкретной реальной опасности. Это страх непонятно отчего, а потому подспудно он есть всегда, даже тогда, когда бояться совершенно нечего⁵. Нет повода, к примеру, боять-

ся чужого начальника, а между тем до смертного потрясения и гоголевский, и чеховский персонажи были распечены именно чужими генералами. И уж тем более нет повода бояться генерала доброго. Начальник департамента, в котором состоял на службе Обломов, «никогда никому дурного не сделал, подчиненные были как нельзя более довольны и не желали лучшего. Никто никогда не слышал от него неприятного слова, ни крика, ни шума...», однако при этом «все подчиненные чего-то робели в присутствии начальника; они на его ласковый вопрос отвечали не своим, а каким-то другим голосом, каким с прочими не говорили. И Илья Ильич вдруг робел, сам не зная отчего, когда начальник входил в комнату, и у него стал пропадать свой голос и являлся какой-то другой, тоненький и гадкий, как скоро заговаривал с ним начальник»⁶. Кончилось тем, что Илья Ильич, по ошибке отправив служебное послание не туда, куда нужно, до того перепугался, что, дабы избежать *заслуженной кары*, подал в отставку, хотя «и он, и все прочие знали, что начальник ограничится замечанием»⁷.

Но *его превосходительство* не только карает, но и милует. И когда он соизволяет переменить гнев на милость, смертного чиновника постигает иное, но также потрясающее все его существо чувство – чувство блаженства и любовного умиления от снизошедшей к нему «божьей» благодати. Такого рода блаженство испытывает, к примеру, у Достоевского Макар Девушкин после того, как *его превосходительство*, соизволив обратить внимание на не презентабельность его внешнего вида, сунул ему в руку сторублевую: «Я, ангел мой, вздрогнул, вся душа моя потряслась; не знаю, что было со мною; я было схватить их ручку хотел. А он-то весь покраснел, мой голубчик, да – вот уж тут ни на волосок от правды не отступаю, родная моя: взял мою руку недостойную, да и потряс ее, так-таки взял да потряс, словно ровне своей, словно такому же, как сам, генералу»⁸. Благоговейно-молитвенным умилением к

его превосходительству проникается и вновь зачисленный на службу Мармеладов: «...одел лохмотья мои, воздел руки к небу и отправился к его превосходительству Ивану Афанасьевичу... Это – воск... воск перед лицом господним; яко тает воск!.. Даже прослезилась, изволив все выслушать... Облобызал я прах ног его, мысленно, ибо взаправду не дозволили бы...»⁹.

Чехов же, рассказывая о постигшей его чиновника смерти от страха, создает пародийно-комическую версию традиционной литературной коллизии за счет, как это ни парадоксально, возвращения ее «компонентам» традиционного же значения. На протяжении всего рассказа чеховский персонаж озабочен тем, как во что бы то ни стало вернуть вышедшей из-под контроля сюжетной ситуации гоголевско-достоевсковские канонические черты.

В самом деле, с точки зрения литературного «канона», все в чеховском рассказе с самого начала пошло по неправильному пути. Во-первых, чихнув на лысину генерала Брижжалова, Червяков (несмотря на говорящую фамилию его превосходительства) ожидаемого эффекта не получил. На него, в отличие от уж совершенно невинно пострадавшего Акакия Акакиевича, молниеносный гнев, как следовало бы ожидать, не обрушился. Во-вторых, и сам Червяков не испытал полагающихся *страха и трепета* пред величием его превосходительства – старичка с лысиной: он только лишь сконфузился. Не испытал Червяков, как Макар Деушкин или Мармеладов, и умилительного блаженства, потому что так и не получил от Брижжалова ни «правильно» выраженного гнева, ни «правильно» выраженной милости. Никак не желая удовлетвориться таким состоянием дел, *эзекутор* (чин здесь омонимически связывается со словом *эзекуция*) Червяков и *не дает жизни*¹⁰ генералу Брижжалову до тех пор, пока тот не совершит требуемого литературным канонам действия. Испытывает же он «облегчение» только тогда, когда доводит генерала до необходимой кондиции: Брижжалов во гневе синеет, трясется и топаёт ногами. А

Червяков «млеет от ужаса», испытывая сразу все вместе: и гоголевский *страх* и *трепет*, и Достоевское умиление. И этот верх его смертельного блаженства ни в коей мере не сравним с тем, которое он ощущал, глядя в бинокль со второго ряда кресел принесшие моду на канкан «Корневильские колокола».

¹ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 3. М.; Л., 1938. С. 167.

² Там же.

³ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 1. Л., 1972. С. 92.

⁴ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 2. М., 1983. С. 166.

⁵ Говоря о метафизических корнях безотчетного страха, уместно, разумеется, вспомнить и о гоголевском «Ревизоре».

⁶ Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 4. СПб., 2000. С. 57.

⁷ Там же.

⁸ Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 92.

⁹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 6. Л., 1973. С. 18.

¹⁰ Это чеховское выражение. В письме к брату Александру (1885) Чехов высказался по поводу своего отношения к литературным «маленьким» людям: «Брось ты, сделай милость, своих угнетенных коллежских регистраторов! Неужели ты нюхом не чуешь, что эта тема уже отжила и нагоняет зевоту? И где ты там у себя в Азии находишь те муки, которые переживают в твоих рассказах чиновники? Истинно тебе говорю, даже читать жутко! <...> Реальнее теперь изображать коллежских регистраторов, не дающих жить их превосходительствам». (Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. Т. 1. М., 1974. С. 176–178.)